

В половине пятого утра кампус всё ещё тонул в тумане и тишине, словно непроявленный негатив, в котором угадывались лишь общие очертания.

За окном общежития уличное фонарное освещение разливалось мягким оранжевым ореолом, а тени деревьев сгущались в туманные комья.

Сяо Минь на цыпочках приоткрыла дверь, плотнее закуталась в шарф и принесла с собой два стаканчика горячего кофе, над которыми вились тонкие струйки пара.

Шаги по бетонной дорожке звучали почти беззвучно; она посмотрела на светящиеся окна клуба вдаль, и её сердце забилося в такт влажному и медленному туману.

После того поцелуя в классе полуднем мир словно заново навел резкость.

То, как Сяо Минь и Сяо Лунь вышли из кабинета, переплетя пальцы, как заходящее солнце вытянуло их силуэты, и нежное признание Сяо Лунь — я тоже согласна — словно драгоценная пленка, запечатленная серией быстрых кадров, снова и снова проявлялись в голове Сяо Минь.

Оказывается, любовь может быть такой тихой и подлинной, ей не нужны громкие заявления, достаточно лишь молчаливого понимания света и тени между ними.

Сяо Лунь уже ждала у края спортивной площадки с наплечной сумкой для фотокамеры, а её короткие волосы занесло утренней влагой, и несколько прядей прилипло ко лбу.

Свет фонаря окутал её тонкой дымкой; заметив Сяо Минь, она чуть заметно улыбнулась, и в этой улыбке крылся весь свет их общего рассвета.

— Как раз вовремя, туман самый густой, а свет мягче всего, — произнесла Сяо Лунь, и её голос прозвучал глуховато от остатков сна.

Сяо Минь протянула кофе, их пальцы на мгновение соприкоснулись, и тепло разлилось по ладоням.

— Всё ещё горячий, — сказала Сяо Минь.

Сяо Лунь взяла стаканчик, опустила взгляд и сделала небольшой глоток, а в глубине её глаз туман собрался крошечными светящимися точками.

— Спасибо. Впервые кто-то ждет меня вот так, ради утренних кадров.

Они пошли бок о бок к озеру, и их шаги рождали тихий шорох в туманной пелене. Фонари по

обе стороны дорожки попадались всё реже, а туман сгущался, напоминая проявитель в темноте фотолаборатории.

Сяо Минь исподтишка бросила взгляд на профиль Сяо Лунь: в тумане очертания короткой стрижки казались еще мягче, линии плеч — четкими и аккуратными, но отныне в них читалось нечто большее, сокровенное тепло.

— Я всё еще не привыкла называть тебя Сяо Лунь, кажется, будто я познакомилась с совершенно новым человеком, — тихо произнесла Сяо Минь.

Сяо Лунь улыбнулась:

— На самом деле ничего не изменилось. Просто теперь ты видишь меня целиком.

Она остановилась, вскинула камеру и сделала пробный снимок глади озера, сопровождаемый щелчком затвора.

— Прямо как этот туман: пока он не рассеется, всё кажется размытым, и лишь потом открывается истина.

Плакучие ивы у озера свесили тонкие ветки, а утренний туман лениво клубился над самой водой. Сяо Минь стояла под ивой, легкий ветерок шевелил ее длинные волосы, а шарф небрежно спадал на плечи.

Сяо Лунь присела на корточки, чтобы выстроить ракурс, погруженная в привычную сосредоточенность.

— Чуть ближе к озеру, да, вот так. И спрячь руки в шарф.

Голос Сяо Лунь звучал спокойно, а кончики пальцев едва заметно чертили в воздухе линии, будто намечая траекторию света.

Сяо Минь послушно сместилась, и ресницы покрылись капельками влаги. Она чувствовала на себе взгляд Сяо Лунь — больше не отстраненно-наблюдательный, а полный преданной любви.

Затвор щелкал снова и снова, и каждый звук закреплял их новые отношения.

Туман клубился между ними, ветки ивы покачивались, а по воде разбегались мелкие круги.

В перерыве между съемками Сяо Минь присела на каменные ступени у берега, двумя руками обхватив остывший стаканчик. Сяо Лунь села рядом, плечом к плечу; влага собиралась в капли

и стекала по объективу фотоаппарата.

Сяо Минь спросила:

— В тот день в кафе ты правда понятия не имела, о чем я думаю? Когда выпала та прокладка, и ты сказала, что это твоё... что ты чувствовала, когда я убежала?

Сяо Лунь посмотрела на озеро, её голос прозвучал буднично, но искренне:

— Я просто ничего не понимала. Ты вдруг задала странный вопрос, потом сорвалась с места и убежала, словно увидела что-то ужасное.

Она повернулась к Сяо Минь:

— Тогда я даже не догадывалась, что ты приняла меня за извращенку. А потом, на лестнице, ты сказала, что боишься меня, и я догадалась, что тут какое-то недоразумение. Но чтобы влюбиться... об этом я точно не думала.

Сяо Минь опустила голову, пальцы рассеянно оглаживали край стаканчика:

— У меня в голове тоже был полный хаос. Открытая дверь женского туалета, выкатившаяся прокладка, твой взгляд, твои прикосновения — всё казалось уликой.

Она умолкла:

— А когда всё прояснилось, я поняла, что боялась вовсе не тебя. Я боялась того, что сама способна полюбить девушку.

Сяо Лунь тихо рассмеялась, протянула руку и отвела со лба Сяо Минь влажные от тумана пряди, а её пальцы согрели утренний холод.

— Наводить резкость очень важно, — произнесла Сяо Лунь. — Иначе всё, что ты снимаешь, — сплошное размытое чувство.

Она указала на озеро:

— Вон те ивы, в тумане их не разглядеть, а выйдет солнце — и всё станет четким. С нами то же самое.

Солнце поднималось всё выше, и туман редел.

Под руководством Сяо Лунь Сяо Минь пробовала разные позы: прислонившись к стволу ивы, глядя вдаль, присев на корточки и касаясь влажной травы, стоя у самой воды в окружении туманной дымки. С каждым щелчком затвора Сяо Минь ощущала, как заново рождается — больше не просто модель, а существо, навеки пойманное в объектив любви.

Утренняя съемка подошла к концу, солнце полностью показалось из-за горизонта, и золотые лучи пробили остатки тумана, заставив гладь озера засиняться чешуйками света.

Сяо Минь и Сяо Лунь бок о бок возвращались в клуб, их плечи то и дело соприкасались, а шаг постепенно выравнивался.

Пока Сяо Лунь занималась проявкой пробных снимков, Сяо Минь стояла у входа в темную комнату и наблюдала за колдовством под красным светом: фотобумага медленно темнела, и на ней проступал сначала силуэт у озера, а затем второй кадр — момент, когда Сяо Минь повернула голову, и туман на её губах превратился в едва уловимый блеск.

— Этот получился самым красивым.

Сяо Лунь закрепила снимок на веревке прищепкой, и ее пальцы едва коснулись изображения лица Сяо Минь.

— Твой свет ясен и в тумане, и под лучами солнца.

Она взяла ножницы, аккуратно подровняла края и протянула карточку Сяо Минь:

— Это наше утро.

Сяо Минь приняла снимок, их пальцы соприкоснулись, и по телу пробежала легкая дрожь, похожая на удар тока.

Она посмотрела на себя на фотографии: свисающие на плечи ветки ивы, спокойное и сияющее лицо. Снимки перестали быть просто изображениями — они стали доказательством их любви.

В полдень на клубном собрании остальные еще ничего не замечали.

Сяо Минь и Сяо Лунь действовали слаженно, как и прежде, обсуждая места для следующих выездных съемок.

Когда Сяо Минь передавала реквизит, их пальцы соприкасались, а при встрече взглядами они обменивались улыбками, но эту крошечную идиллию никто не замечал.

— Какая у вас сегодня прекрасная атмосфера, — заметил старшекурсник.

Щеки Сяо Минь слегка порозовели, но Сяо Лунь ответила невозмутимо:

— Утренняя съемка удалась, настроение само собой хорошее.

Вечером в общежитии Сяо Минь аккуратно вложила утреннюю фотографию под обложку дневника.

Теплый желтый круг света настольной лампы выхватывал тончайшие слои тумана на фотобумаге, и она рассматривала карточку за карточкой: силуэт у озера, сияющий поворот головы, ивы над плечом.

Любовь наконец-то обрела резкость, недоразумения полностью рассеялись, а чувства напоминали только что проявленный негатив — четкий и живой.

За окном сгущалась ночь, и в кампусе одна за другой зажигались фонари. Сяо Минь раскрыла дневник, кончик ручки коснулся бумаги, чернила медленно расплылись, оставляя строчку: «Оказывается, любовь — это когда заново учишься читать чужие тревоги».

<http://bllate.org/book/21310/2162735>